

Американские встречи и впечатления

МЫ ЛЕТЕЛИ из Чикаго в Лос-Анжелос. Был яркий солнечный день, и не видно было ни клочка облаков ни над нами, ни под крыльями самолета.

Человека, летящего над землей Соединенных Штатов Америки, удивляет геометрическая пропорциональность городских кварталов, ровность улиц и проспектов, как по линейке пересекающих друг друга. А сейчас с высоты четырех тысяч метров мы видели огромное пространство, похожее на рельефную карту, выложенную мозаикой гигантских кирпичей, поразительно ровных и одинаковых, — это наделы фермерских земель.

Менялись названия штатов, но пейзаж оставался тем же. Только ландшафт штата Аризона резко отличался гольмами, как нам казалось сверху, песчаными серо-желтыми полями и лысыми плоскогорьями.

Новая страна, новые люди. И всюду, где бы мы ни появлялись, — в театре ли, в музее, кинематографе, в автобусе или, как сейчас, в самолете — американцы узнавали в нас советских людей, сразу же начинали дружелюбную, оживленную беседу. Нас забрасывали вопросами, порой, правда, нелепыми.

— Говорят, дети у вас плохо воспитаны. Это правда? — спросила моя спутница по самолету.

Я невольно рассмеялся.
Американка смутилась:
— Почему вы смеетесь?
— Откуда вы знаете о наших детях?

— Из газет, — ответила она и добавила. — Хотя... конечно, газетам трудно верить.

На следующий день в Лос-Анжелосе, сидя в полночь в театре Муллен-Руж, я невольно вспомнил разговор с моей попутчицей о детях. В огромном эстрадном театре за столиками ужинали целые семейства с детьми — восьмью, двенадцатилетними чинно сидевшими мальчиками и девочками. А на эстраде шло представление, совсем не подходящее для детского возраста с номерами мюзик-холла и ночного кабаре, эротическими танцами и двусмысленными песенками.

И каково было мое удивление, когда в антрактах эти девочки и мальчики, поощряемые родителями, покидали столики и, выходя на эстраду, вместе со взрослыми танцевали модные современные танцы. А папы и мамы, глядя на своих детей, умильно улыбались.

Да, детям действительно трудно. И не только по вине родителей — в США нет специальных театров для юных зрителей и даже редко снимаются фильмы для детей.

Мы видели магазины детских игрушек и в Нью-Йорке, и в других городах, переполненные игрушечными атомными пушками, автоматами, пистолетами.

На длинных стволах пушек, установленных на самоходных тягачах, так и написано: «Атомная пушка».

И кто-то, какой-то бизнесмен или целая группа бизнесменов зарабатывают бешеные деньги на том, что отравляют души самых маленьких американцев.

— Неужели нельзя запретить подобные игрушки? — задавал я вопрос на одной из улиц Нью-Йорка женщине, которая, как мне показалось, искренне возмущалась, глядя на синеглазого карапузика, крепко державшегося левой рукой за маму, а правой тянувшего за собой «каторжную пушку».

— Нет! — сухо и нервно ответила женщина. — У нас свобода! У нас не запрещают...

— Да, но пусть люди зарабатывают не на детях, — заметил стоящий рядом со мной Сергей Михалков.

— Пусть родители не покупают этих игрушек, — у них тоже свобода действий: могут купить и могут не купить, — отрезала женщина и, чтобы прекратить разговор, быстро отошла в сторону.

ТРУДНО передать впечатление, которое произвел на нас массовый аттракцион «Земля Диснея» в Лос-Анжелосе.

Режиссера и художника мультипликационных фильмов Диснея советские зрители знают по «Бэмби» и другим его фильмам, шедшим на наших экранах.

Этот безусловно талантливый художник приобрел на окраине Лос-Анжелоса большой участок земли и создал здесь своеобразный мир фантазии — с непроходимыми джунглями, дикими прериями, ревущими водопадами — местами, знакомыми детям по любимым книгам. Здесь воспроизведены эпизоды открытия и завоевания Америки, борьбы пионеров с индейцами, места действия героев Фенимора Купера. Здесь построены целые деревни индейцев, слышится ржание дикого мустанга... Здесь и «берега» Миссисипи, и каравелла Колумба, и пароход «Марк Твен», и плот Тома Сойера... Здесь реки джунглей с плавающими гигантскими крокодилами, бегемотами; непроходимые дебри с их обитателями — слонами, львами, обезьянами... И все это воспроизведено в натуральную величину и под открытым небом. Звери и животные, совсем как живые, режут, грызут свою жертву, преграждают путь посетителям. Естественные движения и повадки зверей достигаются благодаря сложным механизмам управления, размещенным в каждом «живом» организме.

«Земля Диснея» — замечательный по своему познавательному значению и мастерству исполнения массовый аттракцион.

Это, конечно, восхищает, и прежде всего детей.

Но когда вспоминаешь, что за вход одного человека на территорию «Земли Диснея» с осмотром аттракционов надо уплатить шесть долларов, невольно приходишь к грустной мысли, что большинство американцев не попадет в этот мир чудес. И становится жаль, что Дисней свой высокий талант подчинил всемогущему бизнесу, наживе.

В АМЕРИКЕ много разных театров и концертных коллективов. Есть плохие, есть и хорошие.

В стране мало постоянных оперных коллективов; есть здания оперных театров, используемые для гастрольных спектаклей.

В Чикаго наша группа была приглашена в дом почетного директора Чикагского оперного театра — крупного промышленника Джона Степана, мецената оперного искусства. Среди гостей были журналисты, юристы,

деловые люди, спортсмены, актеры итальянской оперы, гастролировавшие в то время в Чикаго.

Супруги Степан приняли нас сердечно и радушно. С большой теплотой говорили они о Советском Союзе. Они побывали у нас в качестве туристов три года назад и были встречены со свойственным советским людям гостеприимством.

В доме Степан мы увидели англо-русские словари и книги наших классиков, переведенные на английский язык. Хозяйка дома интересуется жизнью Советского Союза, его культурой, его народом. Г-жа Степан сказала, что она мечтает снова побывать в нашей стране.

Мы до поздней ночи засиделись у наших новых друзей. Они долго не отпускали нас. Хозяева и гости пели американские и русские песни, рассказывали веселые истории. Было тепло и радостно на душе от сознания, что наши народы могут жить в мире и дружбе так же, как эта маленькая группа советских и американских граждан, собравшихся в доме Степан.

В первые же дни пребывания в США мы посетили один из самых больших концертных залов Нью-Йорка — мюзик-холл «Радио-сити».

В этот день нам показали с экрана, как греческая королева разбита бутылку шампанского о нос только что спущенного на воду корабля, которому присвоено ее имя, потом свадьбу некоего принца с некоей принцессой. Затем начались выступления эстрадных актеров.

В пышных декорациях шел балет с участием тридцати шести балерин, до такой степени поразительно одинаковых и по внешности, и по росту, что они казались куклами, сделанными по одному шаблону. К сожалению, этот балет, рассчитанный не на мастерство актеров и постановщика-режиссера, а на внешний эффект, богатство костюмов и световых перемен, оставил нас равнодушными.

Однако в программе были и очень интересные номера, в частности виртуозное мастерство жонглера, работающего под бурный темп мелодии Арама Хачатуряна «Танец с саблями».

Если Голливуд со своими гигантскими киностудиями, взаимодействием продюсеров и существованием организации «Объединение американской кинематографии» оставляет впечатление организованного производства киноискусства, то впечатление от театрального искусства остается довольно хаотическим.

Дешевая реклама с пошлыми плакатами у входа в театры, рассчитанная на сомнительный вкус некоторой части населения, с головой выдает тех предпринимателей, для которых искусство служит исключительно средством наживы.

А бурлески? Чего стоят эти бурлески?

В одном лишь центре Чикаго насчитываются десятки таких заведений, выдаваемых за «зрелищные предприятия». Входной билет здесь стоит от пятидесяти центов до доллара. По ночам здоровенные верзилы зазывают сюда прохожих-мужчин, просто-напросто хватая их за руки. А если при этом рассмотреть фотографии «актрис», выставленные тут же в витринах, то станет понятным, какого сорта «искусство» предлагается зрителям. Это — эстрадное представление самого низкопробного, граничащего с порнографией типа. Все американцы, с кем бы мы ни встречались, стеснялись говорить о бурлесках, считая их позорным явлением.

Судьбу американского искусства с его удачами и неудачами особенно наглядно демонстрирует Нью-Йорк.

В театры Бродвея и «Рокфеллеровский центр», в выставочные залы живописи и скульптуры могут попасть только «избранные», степень талантов которых зачастую определяют предприниматели, «промышленники от искусства», чьи вкусы рассчитаны в основном на дешевую сенсацию.

ПОКИНУВ район сверкающих улиц центра Манхэттена — Пятое авеню, Парк авеню Бродвей, Таймс сквер с их небоскребами, по-своему величественными и красивыми, и, попав в Бауэри — район нью-йоркского дна, где нет сверкающей рекламы, видишь два поразительно разных мира — мир богатства и мир нищеты!

В Бауэри на тротуарах перед маленьким кафе, у витрин маленьких магазинчиков группами толпятся или стоят в одиночку босяки — люди с небритыми, опухшими лицами, гладко стриженные, лохматые, лысые... И стоят они либо в жалких позах потерявших все надежды людей, либо в величественных позах «гордых победителей».

Вот у витрины бакалейной лавочки одиноко стоит высокий, стройный пожилой человек, картинно вытянув вперед левую ногу и выпятив грудь. Несмотря на холодный ноябрьский

день, на нем широкополая соломенная шляпа, на плечи, как плащ, наброшен старый клетчатый плед. Мягко жестикулируя, он разговаривает сам с собой хриплым голосом.

Мне показалось, что он читал Шекспира. По выражению лица можно было понять, что он не только ставил перед собой вопрос «быть или не быть?», но и упивался собственным человеческим достоинством.

Здесь, среди босяков, — не только неудавшиеся художники и актеры, музыканты и писатели, но и неудавшиеся коммерсанты, обанкротившиеся биржевики — словом, люди, сбившиеся с пути в этом большом, хаотическом мире удач и катастроф.

Глядя на них, вспоминаешь героев горьковского «дна» и трущобы Хитрова рынка старой Москвы.

Сегодня в трущобах Бауэри много ночлежных домов, где за несколько центов получают убогий приют эти бездомные, обездоленные люди.

А кто знает, сколько среди них истинных дарований талантливого американского народа!

В НЬЮ-ЙОРКЕ, как и в других городах Америки, есть замечательные театральные коллективы. И об одном из них мне хочется рассказать с особым удовольствием. Это театр «Уинтер-гарден» («Зимний сад») на Бродвее, в котором идет спектакль под названием «История Западной стороны» — музыкально-драматический спектакль-трагедия, где в основном заняты молодые талантливые актеры.

Когда мы спросили у американских друзей, какой спектакль они советуют нам посмотреть на Бродвее, все в один голос ответили: «Историю Западной стороны» в театре «Уинтер-гарден».

Должен признаться, что я шел в театр с некоторым недоверием к спектаклю, узнав, что в нем использован сюжет шекспировской трагедии «Ромео и Джульетта». Но я был очень рад, когда это недоверие рассеялось: мы увидели великолепный спектакль.

Драматург Артур Лорентс испол-

зовал лишь схему сюжета трагедии Шекспира, а действие перенес в сегодняшний день.

...Одна из улиц современного Нью-Йорка. Здесь живут белые американцы и пуэрториканцы. Между ними — ожесточенная вражда. В спектакле разыгрываются те же события, что и в пьесе «Ромео и Джульетта», и так же трагически гибнут основные герои.

Театр с большой убедительностью показывает нелепость и дикость расовой и национальной дискриминации. И мы были свидетелями того, как зрительный зал, где сидели рядом белые, негры, пуэрториканцы трогательно, с большим волнением переживал события, происходившие на сцене. Часто зрители подносили к глазам платки и вытирали слезы, сочувствуя обреченным на гибель героям пьесы. Мы были свидетелями того, как благородное искусство рождает благородные чувства.

Главный постановщик и балетмейстер (автор идеи спектакля) Джером Робинс, драматург Артур Лорентс, композитор Леонард Бернштейн, поэт Стефен Сондгейм создали яркое, волнующее театральное представление.

Знаменательно, что в этом спектакле выступают одни и те же исполнители и как артисты драмы, и как оперные певцы, и как балетные танцоры. Каждый из них свободно владеет диалогом, прекрасно поет и танцует.

Особенно хочется отметить актрис Кэрол Лоренс, Мюриел Бентли, Ли Беккер и актеров Ларри Керта, Микки Кулина и Кен Ле Роя. Все они молодые, талантливые, темпераментные.

Запоминаются в спектакле мастерски поставленные массовые сцены: столкновения враждующих сторон, и финальные сцены, когда героям становится понятной нелепость их вражды, приведшей к трагическому концу.

Со светлым чувством уходя из театра, каждый из нас в душе был благодарен этому талантливому коллективу за настоящее искусство и искренне желал ему дальнейших творческих побед.

Георгий МДИВАНИ.